

КАЛУЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 8.

1867. ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ. 30 АПРѢЛЯ.

I.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

*о совершеннолѣтїи Его Императорскаго Высочества,
Великаго Князя Владимира Александровича.*

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.**

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:
Въ 10-й день текущаго мѣсяца, Любезнѣйшій
Сынъ Нашъ, Великій Князь Владимиръ Александровичъ,
достигъ возраста, опредѣленнаго Государственными
основными законами для совершеннолѣтїа Членовъ
Нашея Императорскаго Дома, а сего дня, предъ
лицемъ Святой Церкви и подъ знаменемъ чести,
Онъ произнесъ торжественно, въ присутствїи
Нашемъ, присягу на служенїе Намъ и Государству.

Благословляя Его съ чувствомъ родительской
нѣжности, на подлежащее Ему отнынѣ столь
важное и обширное поприще, Мы, съ непоколеби-
мою вѣрою, возносимъ къ Всевышнему Богу усерд-

ныя моленія: да освяняетъ и укрѣпляетъ Его на всѣхъ путяхъ жизни даромъ мудрости и правды къ возвеличенію могущества и славы Нашего Престола и Отечества. Мы твердо увѣрены, что любезныя Намъ вѣрноподданные единодушно присоединятся къ симъ Нашимъ о Немъ молитвамъ, съ искренностію и усердіемъ, всегда преисполняющими Наше сердце истинною отрадою.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 17-й день Апрѣля, въ мѣсто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмое, Царствованія же Нашего въ тринадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА

по вышезначающемуся Высочайшему Манифесту.

(Къ исполненію.)

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ исправляющимъ должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора церемоніаль присяги Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Владимира Александровича, по совершеннѣти. П р и к а з а л и: Въ церквахъ обихъ столицъ въ назначенный день, а въ прочихъ городахъ и уѣздахъ Имперіи, послѣ предварительнаго, гдѣ должно,

снощенія съ Гражданскимъ Начальствомъ, въ первый слѣдующій, по полученіи указаго предписанія, праздничный или воскресный день, совершить благодарственное молебствіе, съ обыкновеннымъ колокольнымъ звономъ; при чемъ въ каедральныхъ соборахъ совершить такоео самимъ Преосвященнымъ Архіереямъ, а въ градскихъ соборахъ и монастыряхъ настоятелямъ соборнѣ. О чемъ и предписать всемъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ указами, таковыя послать въ Ставропигіальныя Лавры и монастыри и Московскую и Грузино-Имеретинскую Святѣйшаго Синода Конторы. Апрѣля 17 дня 1867 года.

По тому же Высочайшему Манифесту,

(Къ исполненію.)

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали въднѣи Правительствующаго Сената отъ 18 сего Апрѣля за № 33,705, полученное 19 числа, при коемъ приложенъ Высочайшій Манифестъ о достиженіи Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, совершеннolѣтія и о торжественномъ принесеніи Имъ присяги на служеніе Его Императорскому Величеству и Государству. П р и к а з а л и: Напечатать потребное количество экземпляровъ означеннаго Высочайшаго Манифеста, разослать таковыя при указахъ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ Духовнаго вѣдомства, для прочтенія въ церквахъ при молебствіи, о совершеніи коего предписано въ циркулярномъ указѣ отъ 17 сего мѣсяца. 20 Апрѣля 1867 года.

III.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

на имя Преосвященнаго Григорія, Епископа Калужскаго.

Божіею милостію,

Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Фин-
ляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященному Григорію, Епископу Калужско-
му и Боровскому.

Препровождая благочестивую и назидательную
жизнь, вы не престаете ревностно утверждать Богомъ
данную вамъ паству въ послушаніи церкви право-
славной и возвышать духъ иночества въ обителяхъ
ввѣренной вамъ епархіи; въ недавнемъ же времени
заботливостію вашею изысканы средства къ возмож-
но лучшему обезпеченію питомниковъ духовнаго про-
свѣщенія, состоящихъ подъ вашимъ архипастыр-
скимъ руководствомъ. Въ изъявленіе Нашею благо-
воленія къ достойному служенію вашему Мы при-
знали справедливымъ сопричислить васъ къ Импера-
торскому ордену Нашему Святаго Благовѣрнаго Ве-
ликаго Князя Александра Невскаго.

Препровождая знаки сего ордена и повелѣвая
возможить на себя и носить по установленію, пребы-
ваемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею
благосклонны.

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ С. Петербургѣ.

16 Апрѣля 1867 года.

Печатать дозволяется: Членъ Консисторіи, Каѳедральнаго Собо-
ра Протоіерей *Матвій Потемкинъ.*

Секретарь *А. Воронцовъ.*

П Р И В А В Л Е Н І Я

КЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

1867.

№ 8.

30 АПРѢЛЯ.

Содержаніе. Слово.—Нѣсколько замѣчаній о школьной дисциплинѣ.—Извѣстія.

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ (*).

Христось пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его (1 Петр. 2, 21).

Слова св. Ап. Петра.

Внемлите, бр., къ чему обязываютъ насъ воспоминаемыя нами нынѣ страданія Спасителя Нашего и Господа; видите, о какомъ долгѣ нашемъ напоминаетъ намъ сей страдальческій видъ Христа Тисуса. *Христось пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его.* Спаситель нашъ всю свою земную жизнь провелъ въ трудахъ, въ озлобленіяхъ, въ лишеніяхъ и многоразличныхъ скорбяхъ, и окончилъ оную въ жесточайшихъ страданіяхъ на понос-

(*). Сказанное Преосвященнѣйшимъ Григоріемъ, Епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ, 14 Апрѣля 1867 г.

номъ древъ Креста. И все это претерпѣлъ *насъ ради* человекъ, *нашего ради спасенія* вѣчнаго. Посему и мы, христіане, какъ послѣдователи Его, должны вести жизнь подобную Его жизни, т. е. прискорбную: должны великодушно терпѣть всякаго рода скорби, лишенія, озлобленія, болѣзни, страдавія, чрезъ все время нашего пребыванія на землѣ. Почему такъ,—спросите. Потому во первыхъ, что такъ угодно нашему Спасителю и Господу, чтобы послѣдователи Его были подобны Ему въ своей земной жизни, и такимъ образомъ дѣлались бы участниками Его страдавій (1 Петр. 4, 13). *Аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Матѣ. 16, 24): такъ не однократно внушалъ ученикамъ своимъ и всѣмъ слушателямъ Господь Иисусъ, когда жилъ на землѣ. Крестоношеніе, т. е. терпѣніе скорбей, болѣзней, напастей, лишеній и всякихъ бѣдъ постановилъ Онъ необходимымъ условіемъ и однимъ изъ главныхъ внѣшнихъ признаковъ истиннаго послѣдованія Ему. И хотя Господь никому не навязывалъ насильно креста таковаго; а предоставлялъ принятіе онаго доброй волей каждаго; но зато крѣпко внушаетъ Онъ: *уже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ* (Матѣ. 10 38), *не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 26). Это значитъ, что такихъ людей, кои не любятъ креста, не любятъ и не желаютъ благодушно переносить скорбей *и въ терпѣніи стяжевать души свои* (Лук. 21, 19), а любятъ жизнь веселую, привольную, жизнь въ нѣгѣ и роскоши, въ играхъ и забавахъ, такихъ людей Господь не почитетъ своими истинными послѣдователями; а слѣдовательно и не приметъ ихъ въ число спасенныхъ Имъ. Безъ скорбей, значитъ, ни вѣра наша, ни добрыя дѣла и подвиги нѣкоторые не довлѣютъ къ нашему спасенію.

Вотъ почему, бр., тѣ ревнители благочестія, коимъ не судилъ Господь терпѣть напасти и бѣды вѣшнія, сами подвергали себя многоразличнымъ лишеніямъ и озлобленіямъ, сами *рапинали плоть свою со страсти и похотми* (Гал. 5, 24), употребляя для сего непрестанные труды, продолжительныя усердныя молитвы, строгій постъ, всенощныя бдѣнія, иногда же и тяжелыя желѣзныя вериги; *въ пустыняхъ скитающіяся, и въ горахъ, и въ вертепахъ и въ пропаstechъ земныхъ* (Евр. 11, 38).

Почему же такова воля Господа нашего, чтобъ истинные послѣдователи Его были непременно крестоносцы, вели жизнь на землѣ прискорбную?—Казалось бы, послѣ того какъ Онъ, едиnorodный Сынъ Божій, Спаситель нашъ принесъ совершенную жертву за грѣхи наши своею скорбною жизнію, своими кровавыми страданіями и крестною смертію, и такимъ образомъ содѣлался нашимъ вѣчнымъ ходатаемъ предъ Отцемъ своимъ, казалось бы, что послѣ сего блаженнымъ послѣдователямъ Его оставалось только слѣдовать за нимъ спокойно и безпечально, легко и съ удовольствіемъ. Но мы должны помнить, бр., что премилосердый Спаситель нашъ своими крестными заслугами исходатайствовалъ намъ спасеніе и блаженство не земное, временное, а небесное, вѣчное; что Онъ избавилъ насъ отъ скорбей и мученій вѣчныхъ, адскихъ, а не отъ тѣхъ, кои сокрушаютъ насъ нынѣ. Скорби же и болѣзни временныя Онъ оставилъ намъ, какъ необходимую долю нашу на землѣ за грѣхи наши (Рим. 2, 9), и какъ неотъемлемую принадлежность пребыванія нашего въ сей юдоли бѣдъ и напастей. И это сдѣлалъ не во вредъ, а на пользу намъ, говоритъ св. Ап. Павелъ, *да причастимся святости Его* (Евр. 12, 10), да содѣлаемся причастниками святости Его и блаженства. Какимъ

образомъ,—спросите. Чрезъ покаяніе и обращеніе ко Господу.

Евангельская притча о блудномъ сынѣ, всегда оправдываемая опытомъ, ясно показываетъ, что человекъ пока живетъ въ довольствіи и благополучіи, пока обладаетъ благами житейскими, всегда почти бываетъ преданъ міру и въ немъ полагаетъ свое счастье; а посему и заботу свою всю обращаетъ или на умноженіе благъ земныхъ, или на то, чтобы вести жизнь полегче, поспокойнѣе, да повеселѣе, и благосостояніе свое почитаетъ или плодомъ собственной дѣятельности, или же случайнымъ даромъ какого то слѣпаго счастья. Поэтому онъ рѣдко, даже весьма рѣдко помышляетъ о Богѣ, виновникъ жизни и податель всѣхъ благъ; рѣдко, весьма рѣдко и молится Ему, какъ должно; а еще рѣже заботится таковой о жизни христіанской, богоугодной, находящую несомвѣстною якобы съ его обстоятельствами, съ его положеніемъ въ свѣтъ. Помышленія же о грѣхахъ, ежечасно содѣваемыхъ имъ, о виновности предъ Богомъ, о нуждѣ покаянія и исправленія, ему и на умъ не приходятъ. А если и приходятъ иногда то какъ помышленія неважныя и не требующія скорого исполненія. Ъсть и пить послаще, одѣваться попышнѣе, да повеселѣе проводить время—вотъ цѣль жизни у таковыхъ, преданныхъ міру людей!— Но когда начинаютъ тревожить человека разные недостатки и нужды житейскія, когда начнутъ постигать его бѣды и напасти, когда блага земныя измѣняются ему, отнимаются у него невидимою рукою Промысла чрезъ разныя несчастныя приключенія, или когда начинаютъ удручать человека болѣзни тѣлесныя и печали сердечныя: тогда скорбящій, если онъ не до конца закоснѣлъ въ нечестіи и безпечности, начинаетъ приходить въ себя, начинаетъ

образумливаться, сознавать свою брениость и зависимость отъ Господа и свою великую виновность предъ Нимъ, начинаетъ также чувствовать суетность и обманчивость благъ земныхъ и всѣхъ прелестей міра; а посему перестаетъ надѣяться на нихъ, смягчается сердцемъ, приходитъ въ сокрушеніе и умиленіе, начинаетъ смиряться, каяться и обращаться къ Богу со слезами и прилежною молитвою о помилованіи, далѣе старается всемерно прекратить всѣ свои грѣховныя дѣянія (1 Петр. 4, 1) и начать жизнь христіанскую, богоугодную, душеспасительную, святую.

Замѣтимъ однакоже, бр., что такая благая и спасительная переменна, совершаемая благодатию Божіею въ тѣхъ лишь добрыхъ душахъ, кои всѣ скорбныя свои посѣщенія почитаютъ не иначе, какъ за праведное наказаніе, заслуженное грѣхами ихъ и неправдами; а посему при всѣхъ злословіяхъ своихъ не унываютъ, не озлобляются, не ропщутъ на судьбу свою: но все переносятъ терпѣливо, великодушно, даже съ благодушіемъ и дѣтскою преданностію Господу. Поэтому и на Господа, посылающаго имъ скорби, смотрятъ не какъ на Судію гнѣвнаго, карающаго ихъ, но какъ на Отца чадолюбиваго, желающаго вразумить ихъ, отвратить отъ погибели и поставить на путь спасенія, по силѣ слова св. Ап. Павла: *аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ* (Евр. 12, 7). О, поистинѣ на пользу, на великую пользу душамъ нашимъ посылаетъ намъ, или попускаетъ Господь скорби и печали. Грѣхи наши, кои наказываются здѣсь болѣзнями и скорбями кратковременными, не будутъ уже наказываемы въ жизни будущей. *Суди ми*, говоритъ Апостоль, *отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 32).

Мало сего,—скорби, переносимыя съ благодушiемъ, премилосердый Господь нашъ, по благодати своей, поставляетъ даже въ заслугу, достойную вѣнца, какъ увѣряетъ въ семь св. Ап. Иаковъ. *Блаженъ мужъ, говоритъ Онъ, иже претерпитъ искушенiе: зане искусенъ бывъ, приметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Господь любящимъ Его* (1, 12). Это же подтверждаетъ и Ап. Павелъ, когда говоритъ, что кратковременное легкое страданiе наше нынѣшнее производить въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ на невидимое (2 Кор. 4, 17). Это значитъ: чѣмъ больше скорбей перенесетъ кто здѣсь, съ упованiемъ на благодать Божию: тѣмъ большей славы сподобится онъ въ жизни будущей. Посему-то люди, понимавшіе такую великую благотворность земныхъ скорбей, не только не унывали, но еще радовались въ немощахъ, въ досажденiяхъ, въ бѣдахъ, во изгнанiяхъ, въ тѣснотахъ по Христу (2 Кор. 12, 10) и благословляли Господа. Апостоль же Петръ и всѣмъ, терпящимъ скорби отъ различныхъ напастей, внушаетъ радоваться, въ чаянiи чести и славы, во откровенiи Иисусъ Христовъ (1 Петр. 4, 6 и 7).

Разуйтесь убо и вы, благодушныя крестonosцы, страждущи по волю Божию. Ибо мзда ваша многа на небесѣхъ (Матѣ. 5, 12) по обѣтованiю самаго Господа. Тамъ вы найдете не только успокоенiе совершенное, но и утѣшенiе и радость самыя сладостныя. Вы сонаслѣдники Христу, если только съ Нимъ страдаете, что бы съ Нимъ и прославиться (Рим. 8, 17).

Что же дѣлать тѣмъ изъ насъ, бр., коимъ не судиль Господь бѣдъ и напастей, коихъ не посѣщаетъ Онъ никакими скорбями и печалiями? Конечно, отъ всей души должно благодарить Господа благодарющаго. Но сего мало. Таковыя должны сами распинать плоть свою со страстми и похотми (Гал. 5, 24), по-

добно вышеупомянутымъ ревнителямъ благочестія должны употреблять для сего посильные, непрестанные труды, усердныя молитвы съ поклонами земными, нощныя бдѣнія для чтенія слова Божія, частые посты до сухояденія, и другіе богоугодные и душеспасительные подвиги. Паче же должны таковыя, т. е. живущіе благополучно прилагать заботу о томъ, чтобы успокоивать страждущихъ, особенно нуждающихся въ чужой помощи, и доставлять имъ облегченіе своими усердными услугами. Должны призирать и воспитывать сиротъ, служить больнымъ, помогать бѣднымъ, увѣчнымъ, или потерпѣвшимъ разореніе отъ пожара и другихъ бѣдствій, утѣшать печальныхъ и унывающихъ. Черезъ такія благотворенія и общенія со скорбящими можемъ, бр., и мы всѣ содѣлаться участниками того блаженства вѣчнаго, какое обѣщано претерпѣвшимъ скорби, по обѣтованію Господа: *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметь, и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду пррвдничу пріиметь* (Матѳ. 10, 41).
Аминь.

Нѣсколько замѣчаній о школьной дисциплинѣ.

Изъ Целлера ().*

7) Благопристойность.

Это—последнее качество, на которомъ останавливается Целлеръ въ своихъ замѣчаніяхъ о дисциплинѣ, и останавливается, по его важности, особенно долго.

Истинная благопристойность или благоприличіе есть собственно не иное что, какъ видимое выраженіе въ поведеніи извѣстнаго лица, въ его поступкахъ и обращеніи съ другими, благочестиваго настроенія его сердца; иначе,—проявленіе во внѣшнемъ человѣкѣ сокровеннаго человѣка внутренняго. Кто истинно благочестивъ, тотъ можетъ въ иныхъ приемахъ своихъ погрѣшать противъ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе условныхъ правилъ приличія: но естественно, по внутреннему, хотя бы не вполне ясно сознаваемому побужденію, соблюдаетъ его существенныя требованія. Къ этому-то призываетъ всѣхъ насъ и св. Апостоль, говоря: «наконецъ, братія мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте» (Филипп. 4, 8).

Истинная благопристойность исходитъ и развивается посему путемъ отъ внутренняго ко внѣшнему,—укореняется въ сердцѣ человѣка и являетъ плоды свои въ его рѣчахъ и во всемъ образѣ дѣйствій. Въ противномъ случаѣ, оно есть лишь притворство, лицемеріе, или по крайней мѣрѣ легко соединяется съ нимъ, извращается въ него. Таково перѣдко бы-

(*) Продолженіе. См. Кал. Еп. Вѣд. 1867 г. №№ 2 и 7.

васть то «соблюденіе приличій», которому отводится такъ много мѣста въ господствующемъ свѣтскомъ образованіи. У многихъ это не что иное, какъ утонченное искусство казаться правдивымъ, честнымъ, справедливымъ, привѣтливымъ, благожелательнымъ, и вообще добродѣтельнымъ,—*казаться*, вмѣсто того, чтобы *быть* такимъ... Такому искусству и выучиваются также, какъ танцамъ или французской разговорной рѣчи, нерѣдко при помощи тѣхъ же учителей—черезъ постоянное упражненіе и подражаніе «принятому» у другихъ, безъ всякой серьезной заботы объ исправленіи, объ усовершенствованіи своего сердца.

Не такую благопристойность, не это внѣшнее, призрачное, нерѣдко злоупотребляемое людьми искусство должна поддерживать школьная дисциплина. Школьная, какъ и всякая истинная благопристойность должна протекать собственно изъ страха Божія, изъ благочестія. Но нельзя не признать, что несоблюденіе ея въ школахъ и немногими учениками, хотя бы даже однимъ изъ нихъ, вообще очень неблагоприятно дѣйствуетъ на всѣхъ другихъ и можетъ сильно препятствовать успѣшному достиженію цѣли школы; по этому нельзя не признать и того, что здѣсь не всегда умѣстно ограничиваться дѣйствіемъ (хотя всегда должно особенно имѣть его въ виду) на внутреннее настроеніе дѣтей, ожидая отъ того хотя вѣрнаго и прочнаго, но медленнаго отраженія на ихъ поведеніи. Школьная дисциплина должна, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи, избирать иногда путь отъ внѣшняго ко внутреннему, стараться иногда и внѣшними мѣрами частію предотвращать и пресѣкать въ ученикахъ проявленія неблагопристойности, частію способствовать утвержденію въ нихъ навыка соблюдать истинное благоприличіе. Сюда относятся преимущественно заботы о соблюденіи его

ими во первыхъ въ движеніяхъ, во вторыхъ—въ рѣчахъ, далѣе—о соблюденіи ими цѣломудрія, о соблюденіи правдивости и, наконецъ, дружелюбія и доброй услужливости.

а) *Благопристойность въ движеніяхъ.*

Этотъ видъ благопристойности отнюдь не долженъ казаться учителю малозначительнымъ. Заботою о немъ не только устраняются разнаго рода неловкости, грубость приемовъ, зарожденіе и развитіе нѣкоторыхъ физическихъ недостатковъ, но предотвращаются даже и нѣкоторые недостатки внутренніе, нравственные,—не говоря уже о томъ, что внимательность къ себѣ, которая такимъ образомъ поддерживается, вообще благопріятствуетъ укорененію благонавія.

Учитель по этому долженъ обращать строгое вниманіе на то,—

1) Чтобы каждый ученикъ *входилъ* въ классъ тихо, не стуча и не прыгая, не растворяя и не захлопывая двери съ шумомъ, безъ крика и громкаго смѣха; затѣмъ чтобы также тихо садился, по прочтеніи общей молитвы, на свое мѣсто. Если какой ученикъ, входя, нарушилъ какое нибудь изъ этихъ естественныхъ требованій, то полезно заставить его тотчасъ же вернуться и вновь войти въ классъ—какъ слѣдуетъ.

2) Чтобы при *выходѣ* изъ класса, какъ уже замѣчено было выше, дѣти слѣдовали другъ за другомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сидятъ въ школѣ, и сначала дѣвочки, потомъ мальчики; шли молча, безъ разговоровъ, или еще лучше съ общимъ пѣніемъ; и чтобы такимъ образомъ, тихо и стройно, безъ помѣхъ другъ другу и постороннимъ, доходили

они до известнаго, неотдаленнаго отъ школы пункта, откуда уже и расходились бы по домамъ.

3) Чтобы *стоя*, напримѣръ въ кружкахъ (группахъ) каждое дитя держалось свободно и прямо, не наклоняясь впередъ или на сторону; каждый разъ, какъ кто либо забудетъ объ этомъ монитеръ (*) напоминаетъ ему о томъ. Чтобы руками они не дѣлали какихъ шалостей или даже чего либо вреднаго, въ кружкахъ всего лучше заставлятъ класть ихъ на плеча другъ другу. Держать руки въ карманахъ отнюдь не должно дозволить.

4) Чтобы *сидя*, вчастности занимаясь писаніемъ, каждое дитя также держалось прямо, имѣя объ руки на столѣ, не пряча ни одной и отнюдь не прижимаясь грудью къ столу, вообще соблюдая должное разстояніе отъ него, которое опредѣляется частію первыми двумя непремѣнными условіями, частію удобствомъ и вчастности—для зрѣнія.—Многія дѣти вовсе безъ нужды слишкомъ близко придвигаютъ къ глазамъ книгу при чтеніи или бумагу при писаніи: вслѣдствіе того, по особому свойству нашихъ органовъ зрѣнія, весьма легко пріобрѣтается близорукость, которая впослѣдствіи чаще увеличивается, нежели исправляется, даже при заботѣ о томъ. Отъ несоблюденія другихъ упомянутыхъ здѣсь требованій происходитъ искривленіе позвоночнаго столба и разстройство въ груди, иногда ведущія, какъ известно, къ опаснымъ болѣзнямъ.—Въ иностранныхъ школахъ, особенно въ Америкѣ, гдѣ народное образованіе наиболѣе развито, самыя скамьи, столы и другіе принадлежности классныхъ комнатъ устроиваются такъ,

(*) Такъ называются (отъ латинскаго слова *monitor*) тѣ ученики, которые, при употребленіи способа взаимнаго обученія, помогаютъ своимъ менѣе успѣвшимъ товарищамъ.

что при этомъ строго принимаются во вниманіе все гигиѣническія требованія; этимъ существенно облегчается и поддержаніе разумной дисциплины, не говоря уже о благотѣльномъ значеніи подобныхъ мѣръ для физическаго и нравственнаго здоровья учениковъ.

Для поддержанія въ школахъ благопристойности учениковъ относительно движеній, важны: 1) собственный примѣръ учителя; 2) твердая и настойчивая воля его достигнуть развитія въ ученикахъ этого качества, какихъ бы усилій съ его стороны это ни требовало; 3) особенно внимательный надзоръ за учениками съ помощію мониторовъ.

Подробнѣе говорить Целлеръ о тѣхъ правилахъ, которыя относятся къ утвержденію между учениками истинной благопристойности въ остальныхъ случаяхъ, къ которымъ и переходить.

б) *Благопристойность въ рѣчахъ.*

Учитель былъ бы виновенъ въ великомъ небреженіи объ одной изъ своихъ обязанностей и выказалъ бы, можно сказать, преступное легкомысліе, если бы не обращалъ вниманія на то, о чемъ и какъ говорить между собою ввѣренные ему дѣти.

Извѣстно всякому, что слова не только исходятъ отъ сердца, но и воздѣйствуютъ на сердце. Христіанину же извѣстно сверхъ того, что онъ будетъ подлежать ответственности не только за каждое злое слово, но и за каждое *праздное*, бесполезное. Слово—это искра, которая производитъ иногда великій пожаръ, это—сѣмя, которое способно давать множество плодовъ. Потому никто не долженъ поз-

волять себѣ легкомысленно говорить все, что ни вздумается. «Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ, говоритъ Апостоль, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ» (Ефес. 4, 29).

Поэтому не должны быть дозволяемы никакія—

1) *Безполезныя*, пустыя рѣчи, т. е. рѣчи, которыя безъ всякаго повода и нужды нарушаютъ молчаливое размышленіе другихъ, или прерываютъ дѣльную рѣчь ихъ замѣчаніями, не относящимися къ дѣлу; вообще всѣ рѣчи не служащія, хотя косвенно, ни для чего полезнаго, не способныя ни произвести какое либо доброе впечатлѣніе, ни возбудить какую либо добрую мысль. У многихъ и взрослыхъ есть склонность къ такой, чуждой здравомыслящему человѣку и благонастроенному христіанину, неумѣренной говорливости. Въ дѣтяхъ же, при слабости еще у нихъ самообладанія, эта склонность почти всеобщая. И чѣмъ ранѣе, тѣмъ полезнѣе останавливать ея развитіе;—не впадая впрочемъ въ крайность: избѣгая того, чтобы дѣти вслѣдствіе строгой взыскательности за каждое дѣтски—легкомысленное слово не стали неестественно—молчаливыми и скрытными.

2) Слова, шутки, поговорки *постыдныя*.

Въ сельскомъ быту дѣти, къ сожалѣнію, усваиваютъ ихъ нерѣдко даже отъ родителей своихъ... Но они, эти первые Богомъ поставленные воспитатели Богомъ даруемыхъ имъ чадъ, иногда не вѣдаютъ, по крайней мѣрѣ ясно, что творятъ, какъ тяжело нарушаютъ тѣмъ свои святѣйшія обязанности. Всякій же школьный учитель, не обращающій на такія слова никакого вниманія, не заботящійся насколько отъ него зависитъ о предотвращеніи и искорененіи этой гнусной и несчастной привычки—уже («вѣдый») не исполнилъ бы долга своего.

3) Слова и выражения бранныя, обидныя, насмѣшливыя. Они не должны быть допускаемы одинаково какъ при дѣйствительной размолвкѣ между учениками (что само по себѣ уже должно быть предотвращаемо), такъ и въ шутку. Привычка употреблять подобныя слова въ шуткахъ легко ведетъ и къ употребленію ихъ въ раздраженномъ состояніи.

У маленькихъ школьниковъ весьма обыкновенны въ частности разныя такъ называемыя прозвища, произвольныя и обыкновенно насмѣшливыя названія какимъ либо животнымъ или вовсе бессмысленнымъ, дико звучащимъ словомъ,—названія, постоянно даваемыя извѣстному ученику, по цвѣту его волосъ, по особенностямъ тѣлеснаго сложенія, также по тѣмъ или другимъ тѣлеснымъ недостаткамъ. Употребленіе такихъ словъ и привычка къ нимъ со стороны тѣхъ, кому такія прозвища даются, противныя должному уваженію каждаго къ другимъ, противныя и законному, въ правильномъ христіанскомъ смыслѣ слова, самоуваженію; недостатокъ же того и другаго—обильный источникъ, или по крайней мѣрѣ благоприятная почва для развитія множества другихъ недостатковъ.

Особенное вниманіе наставника должно быть обращено на шутки дѣтей относительно тѣлесныхъ недостатковъ, какъ у нѣкоторыхъ товарищей ихъ, такъ и у иныхъ взрослыхъ. Такія шутки, не останавливаемыя тотчасъ же строгимъ запрещеніемъ и полнымъ сердечной теплоты разъясненіемъ этого предмета, подавляютъ въ самомъ зародышѣ чувства христіанской любви и сострадательности. А эти чувства должны быть развиваемы въ дѣтяхъ съ особенною заботливостію (*).

(*). Въ журналѣ „Семейные вечера“ за 1864 г. есть прекрасный разсказъ („Три ступени“), въ которомъ представлено

4) **Наконецъ клятвы, божба.**—Целлеръ перечисляетъ разныя употребительныя въ нѣмецкомъ сельскомъ населеніи выраженія этого рода. У насъ, къ сожалѣнію, ихъ едва ли еще не больше. И часто какія маленькія дѣти, еще не соединяя съ ними никакого опредѣленнаго смысла, уже употребляютъ эти противныя прямой заповѣди Божіей слова! А иные, постарше, употребляютъ ихъ не только никѣмъ не вызываемые къ тому, но и для подкрѣпленія лжи... Какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ кладется этимъ начало!

Вотъ средства, предлагаемыя Целлеромъ противъ этого вида неблагопристойности между учениками (въ рѣчахъ): примѣръ учителя; выраженіе имъ отращенія и негодованія при каждомъ ея проявленіи; разъясненіе дѣтямъ ихъ часто безсознательной привычки къ ней и убѣжденіе оставить ее (что не всегда возможно вдругъ); наказанія—въ особенности увлекающихъ примѣромъ и другихъ за собою (напримѣръ выдумывающихъ прозвища); постоянное занятіе вниманія дѣтей и надзоръ за ними; духъ любви въ обращеніи съ дѣтьми; въ частности исполненныя любви рѣчи съ ними.—Приведемъ его подлинныя слова о первомъ и о послѣднемъ изъ этихъ средствъ.

нѣсколько разительныхъ примѣровъ какъ пренебреженія развитіемъ этихъ чувствъ съ послѣдствіями отъ того, такъ и правительнаго христіанскаго направленія ихъ могущественно-благотворной силы.—Названный нами дѣтскій журналъ, принятый подъ покровительство Государыни Императрицы, рекомендованъ между прочимъ Духовно-учебнымъ Управленіемъ; онъ съ пользою можетъ читаться и многими взрослыми. Полный экземпляръ его (для младшаго возраста 12 книжекъ и столько же для старшаго) на 1867 годъ уступается для духов. училищ. заведеній вмѣсто 10 р. по 9 р. безъ доставки. Сочиненіе „Крестыанская школа“ отдѣльно издавное редакціей этого журнала (въ Сиб.)—по 1 рублю.

«Добрый примѣръ учителя состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы онъ самъ тщательно избѣгалъ всякихъ бесполезныхъ рѣчей, всякихъ оскорбительныхъ и нецѣломудренныхъ шутокъ. Никогда также никакое бранное слово или проклятіе не должно сходить съ языка его; и если оно вырвется у него когда нибудь въ раздраженіи, то ложный стыдъ не долженъ удерживать его отъ того, чтобы тотчасъ же предъ самими учениками, выразить свое раскаяніе въ этомъ.»—Такое признаніе, если оно будетъ искренно и если поводы къ нему представляются весьма рѣдко, дѣйствительно не только не унижитъ учителя въ глазахъ дѣтей, но можетъ возбудить къ нему еще большую привязанность и почтеніе; въ частности же придастъ новую силу его мѣрамъ противъ развитія въ ученикахъ наклонности къ разнымъ злоупотребленіямъ словомъ. Нѣтъ нужды, чтобы учитель казался ученикамъ идеаломъ совершенства, чуждымъ всякихъ человѣческихъ недостатковъ: онъ никогда и не кажется имъ такимъ, хотя бы того и сталъ добиваться; напротивъ въ этомъ-то случаѣ онъ скорѣе всего заставитъ учениковъ отыскивать въ немъ недостатки, даже мнимые, скорѣе всего оттолкнетъ отъ себя, и слова его много потеряютъ своей силы. Довольно—и вмѣстѣ необходимо,—чтобы ученики видѣли въ учителѣ искреннее и небезплодное стремленіе къ нравственному совершенству. Это стремленіе (также какъ и отсутствіе его) отчасти чувствуется въ учителѣ даже самыми маленькими учениками и даетъ ему въ ихъ глазахъ такой авторитетъ, такую силу, привлекающую ихъ любовь и почтеніе, что эти чувства немного могутъ ослабляться и тѣми или другими недостатками его (напримѣръ раздражительностію), которыхъ, какъ человѣкъ, онъ не можетъ быть чуждъ. Понятно, что если онъ, сознавая свои

недостатки и заботясь о внутреннемъ исправленіи, при явномъ несдержанномъ выраженіи ихъ—явно выражаетъ и раскаяніе въ этомъ, стараясь при томъ немедленно же, если нужно, загладить свою «вину» предъ учениками: то это можетъ лишь утвердить и уяснить въ нихъ инстинктивное уваженіе къ нему. Да,—христіанскій учитель долженъ твердо помнить что не ученики только могутъ быть виноваты предъ нимъ, но и онъ предъ ними; и онъ еще тяжелѣе—какъ ихъ старшій, болѣе отвѣтственный, братъ,—какъ лицо замѣняющее имъ даже родителей,—какъ одно изъ орудій, чрезъ которыя совершается ихъ «приведеніе» къ самому Отцу всяческихъ...

Раскаяніе учителя предъ учениками въ случаѣ такого или иного нарушенія имъ самимъ строгой благопристойности въ рѣчахъ можетъ произвести весьма сильное и благодѣтельное впечатлѣніе на дѣтей и много послужить къ отвращенію ихъ отъ этого недостатка; равно какъ и всякое сдѣланное имъ съ мудростію, съ духовнымъ такъ сказать искусствомъ, сознаніе въ своихъ недостаткахъ можетъ лишь утверждать въ нихъ тѣ добрыя чувства къ нему, которыя такъ важны и для прочнаго поддержанія школьной дисциплины и непосредственно для успѣшности обученія и воспитанія. Но это одна изъ мѣръ такъ сказать чрезвычайныхъ. «Любвеобильныя рѣчи» его съ учениками, напротивъ,—одно изъ средствъ постоянныхъ.

«Какая разница, когда учитель говоритъ съ учениками холодно, даже сурово, обращается къ нимъ съ грубыми названіями (Целлеръ опять приводитъ нѣсколько образчиковъ нѣмецкихъ выраженій въ родѣ нашихъ: «ну, вы, болваны» и т. п.);—и когда онъ говоритъ съ ними съ сердечною теплотою, кротко, не избѣгая названій ласковыхъ, какія употребляются

въ добрыхъ семьяхъ. О, отъ такихъ любвеобильныхъ рѣчей, если онѣ дѣйствительно истекають изъ любящаго сердца, а не состоятъ въ лицемѣрныхъ, приторныхъ (süsslich) фразахъ, вызываемыхъ легкомысліемъ или тщеславіемъ (дѣйствительное происхожденіе ихъ, впрочемъ, обыкновенно вѣрно, хотя бы то опять инстинктивно, угадывается учениками),—отъ вліянія такихъ рѣчей также исчезаютъ между дѣтьми привычки ко всякимъ «гнилымъ» словамъ, даже успѣвшія нѣсколько утвердиться въ нихъ, какъ таетъ отъ весеннихъ солнечныхъ лучей не только мягкій снѣгъ, но и глыбы льда! Къ сожалѣнію есть учителя, которые готовы скорѣе дать разорвать себя (sich zerreißen), чѣмъ отстать отъ своей привычки говорить съ учениками съ холодною важностію, даже грозно и грубо, и начать говорить съ ними какъ естественно человѣку искренно ихъ любящему» (*).

Такъ разсуждаетъ одинъ изъ педагоговъ, которому нельзя отказать между прочимъ ни въ строгихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, ни въ богатой школьной и жизненной опытности.

Н. Зайцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(*) Естественно, что такимъ людямъ не совсѣмъ понятны „любвеобильныя рѣчи“ и самыя искреннія, а съ тѣмъ вмѣстѣ самыя благотворныя въ своемъ вліяніи на учениковъ, въ устахъ того или другаго учителя; и представляются имъ не иначе, какъ лицемѣріемъ, тщеславнымъ заискиваніемъ популярности, „дортащекъ“ учениковъ фамиліарностію съ ними.

ИЗВѢСТІЯ.

Вчера, по совершении въ послѣдній разъ въ здѣшнемъ каѳедральномъ Петропавловскомъ соборѣ богослуженія и благодарственнаго молебствія, простился съ нами бывшій рижскій архіепископъ Платонъ. Собираясь въ путь, онъ почти всѣ воскресные и праздничные дни служилъ въ которой-либо изъ здѣшнихъ церквей, и въ каждой повторялось умиленное зрѣлище привязанности паствы къ своему архипастырю. Когда протодіаконъ провозглашалъ на эктениі пресвященнаго Платона архіепископа донскаго и новочеркаскаго, этотъ чуждый титулъ грустно отзывался въ сердца народа; въ первый разъ могучій голосъ протодіакона задрожалъ и прервался на словѣ *донскаго*, и онъ зарыдалъ какъ ребенокъ, Какъ только разнеслось извѣстіе о переводѣ пресвященнаго, начались всеобщія приготовленія къ его проходамъ и подписки на прощальные ему подарки. Тридцать восемь русскихъ дамъ (желающихъ участвовать было гораздо болѣе, но нужно было ограничиться означеннымъ числомъ), въ продолженіе двухъ недѣль изо-дня въ день, съ ранняго утра до поздней ночи, сидѣли надъ вышиваніемъ большаго ковра, который и поднесли ему въ день его ангела, 5-го апрѣля, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ, написаннымъ на этотъ случай и оканчивающимся благодарностью за труды архипастыря на „нивѣ новой“.

Пресвященный отклонилъ прощальный обѣдъ, который хотѣли дать ему всѣ русскія сословія въ русскомъ общественномъ домѣ „Улей“, но принялъ обѣды отъ семинаріи и отъ духовенства, такъ какъ они имѣли какъ бы семейный характеръ. Надобно знать, что Рижская православная семинарія есть созданіе пресвященнаго Платона, при основаніи которой онъ сдѣлалъ очень значительный вкладъ для выдачи процентовъ въ награду лучшимъ студентамъ.

Эти послѣдніе дни разлуки съ архипастыремъ были чуть ли не единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ между Русскими; разказывали другъ другу со слезами, какъ пресвященный, будто отходя въ другую жизнь, раздавалъ невеликое свое имущество. Рижскому петропавловскому братству, недавно имъ основанному, далъ онъ вкладъ 1000 р.; оставилъ въ распоряженіе консисторіи одинъ билетъ внутренняго съ выигрышами займа для вспоможенія процентами или выигрышемъ бѣднымъ священно и церковно-служителямъ, служащимъ при се-

минаріи и консисторіи; одинъ билетъ съ такимъ же назначеніемъ для вдовъ и сиротъ духовнаго званія; еще одинъ—для бѣднѣйшихъ Эстовъ и Латышей, и наконецъ одинъ—на содержаніе бѣднѣйшихъ воспитанниковъ семинаріи духовнаго званія. Русское купечество поднесло преосвященному Платону адресъ, подписанный 121 человекомъ; тамъ, между прочимъ, сказано: „Кто болѣе васъ, владыко, заботился о просвѣщеніи своей паствы? Кто болѣе васъ не щадилъ и явныхъ и тайныхъ жертвъ на вспомошествованіе бѣдной братіи нашей, на учрежденіе русскаго благотворительнаго общества? Вы насъ учили, какъ нужно нести службу государству; учили какъ намъ быть достойными русскаго имени гражданами, и первый благословили, поощрили и ходатайствовали о скорѣйшемъ осуществленіи тѣхъ русскихъ обществъ, кои способствовали бы соединенію насъ, Русскихъ, до сего бывшихъ разрозненными. Одушевленные святою ревностію къ вѣрѣ, вы показали намъ, каковъ долженъ быть союзъ общества съ церковью; основали намъ братство, да укрѣпляемся въ православіи и несемъ помощь нуждающимся въ пищѣ духовной и матеріальной“ и т. д.

Вчера общество русскихъ Рязань предъявило преосвященному Платону о поднесеніи ему архинастырской трости (на золотомъ набалдашникѣ которой будутъ выгравированы: видъ рижскаго Петропавловскаго собора и слова: „Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“) и альбомъ на 200 фотографическихъ карточекъ съ гравированнымъ видомъ архіерейскаго дома съ церковію (оба предмета заказаны Сазикову). Наконецъ испросили благословеніе на составленіе капитала для учрежденія одной стипендіи подъ именемъ *Платоновской* при здѣшней духовной семинаріи (болѣе половины капитала уже собрано). Духовенство поднесло ему икону святыхъ первопрестольныхъ апостоловъ Петра и Павла въ прекрасномъ серебряномъ окладѣ.

Окончу это письмо описаніемъ потрясающаго зрѣлища, которое представляла соборная церковь во время произнесенія преосвященнымъ прилагаемой при семъ прощальной рѣчи.

По окончаніи молебствія преосвященный вышелъ изъ алтаря царскими вратами, облеченный въ святительскую мантию, и положивъ троекратный земной поклонъ предъ мѣстною иконою Спасителя, обратилъ послѣднее слово къ бывшей своей паствѣ. Послѣ словъ: „долженъ теперь разстаться съ вами, можетъ-быть на вѣки“, всѣ залились слезами; когда же произнесены были слова: „Умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ!“ общій плачь превратился

въ громкое рыданіе; самъ преосвященный отъ волненія и слезъ долженъ былъ на вѣкоторое время прервать свою рѣчь. Но что было, какъ вслѣдъ за тѣмъ сказавъ: „Если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ или мыслію, то смиренно прошу простить меня по-христіански!“ преосвященный старецъ повергся ницъ предъ своею паствою! Стономъ застонала вся церковь. Такихъ минутъ не много бываетъ въ жизни. Счастливы тебѣ путь, доблій старецъ! Счастливы тебѣ путь на тихій Донъ! Р. Р.

Р Ѣ Ч Ъ

по случаю перевода архіепископа Платона изъ Рижской въ Донскую епархію, сказанная его высокопреосвященствомъ при послѣднемъ служеніи его въ рижскомъ кафедральномъ соборѣ 9 апрѣля 1867 года.

Возлюбленные мои братія и чада!

Вамъ извѣстно, что по волѣ благочестивѣйшаго Государя нашего, или лучше сказать, по распоряженію самаго Господа, дѣйствующаго на землѣ чрезъ помазаниковъ Своихъ, я переведенъ изъ здѣшней въ другую епархію. Нынѣ я совершилъ въ семъ храмѣ послѣднее служеніе мое и долженъ теперь разстаться съ вами быть-можетъ, на вѣки!..

Болѣе 18-ти лѣтъ управлялъ я Рижскою епархіей и, могу сказать по совѣсти, старался привести ее въ надлежащее благоустройство. Сколько при этомъ имѣлъ я заботъ, трудовъ и разныхъ огорченій, считаю излишнимъ объяснять теперь. Но, къ сожалѣнію, мои заботы и труды не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, и я оставляю теперь Рижскую епархію не въ томъ состояніи, въ какомъ хотѣлъ видѣть ее. Молю Господа, чтобы преемникъ мой, будущій архипастырь вашъ, былъ счастливѣе меня и успѣлъ достигнуть того чего я желалъ для блага православной церкви и чадъ ея въ здѣшнемъ краѣ.

Во все время управленія моего Рижскою епархіей вы, братія, оказывали мнѣ любовь и послушаніе, а въ послѣднее время трогательно выразили сожалѣніе ваше о разлукѣ со мною, и теперь я вижу слезы, слышу рыданія ваши. Благодарю васъ, озлюбленные, за такую расположенность ко мнѣ; но скажу

вамъ словами Спасителя: *не плачьте о мнѣ*. Почти 28 лѣтъ стоялъ я на стражѣ православія въ западномъ и прибалтійскомъ краяхъ, и во все это время находился въ нелегкой борьбѣ съ разнороднымъ иновѣріемъ; а теперь довольно устарѣлъ и силы мои стали ослабѣвать отъ лѣтъ и трудовъ. Поэтому бремя управленія такою епархіей какъ Рижская, и въ такомъ краѣ, какъ здѣшній, сдѣлалось для меня тягостнымъ, и я благодарю Бога и всемилостивѣйшаго Государя нашего, что они сняли съ меня это бремя и посылаютъ на служеніе въ такую мирную и благорастворенную страну, въ которой могу найти отдыхъ и успокоеніе для утомленнаго моего духа. Не плачьте и *о себѣ*, разлучаясь со мною; но утѣшайте себя мыслию, что Господь, пекущійся о святой Своей церкви, пошлетъ вамъ, вмѣсто меня, такого архиваstryя, который, можетъ-быть, будетъ лучше меня и благоотребнѣе для васъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ Рижской епархіи. Итакъ, умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ.

Братія, я любилъ васъ искренно, отъ души желалъ вамъ добра и охотно дѣлалъ оное, по мѣрѣ средствъ моихъ. Не помню, чтобы я кому изъ васъ желалъ чего-нибудь худаго, или намѣренно сдѣлалъ какую-либо непріятность. Если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ или мыслию, то смиренно прошу простить меня по-христіански. А если кто изъ васъ, сверхъ чаянія моего, питаетъ непріязнь ко мнѣ, или сдѣлалъ что-нибудь непріятное для меня, то я не только прощаю его, но и молю Господа отпустить ему такой грѣхъ.

Други мои я не разъ внушалъ вамъ миръ и взаимную любовь: завѣщаю вамъ это и нынѣ при послѣдней моей бесѣдѣ съ вами. Любите другъ друга искренно, какъ Богъ заповѣдалъ; помогайте одинъ другому въ нуждахъ и не ссорьтесь между собою. Вы составляете въ здѣшней странѣ *малое стадо*, притомъ слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому живите между собою какъ можно дружнѣе, дѣйствуйте во всемъ единодушно, поддерживайте въ себѣ русскій духъ; будьте тверды въ православіи и старайтесь благоугождать Господу исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей: это дастъ вамъ такую крѣпость и силу, что вы, при помощи Божіей, будете нецѣлѣдимы противъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ вашихъ.

А вы, сослужители мои, *внимайте* по заповѣди апостола, *себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею*

(Дѣян. 20, 28). Вы знаете, каковы обстоятельства пасомага вами стада, знаете, какъ нужны вамъ нынѣ благоразуміе и бдительность, твердость духа и самоотверженіе; старайтесь же имѣть такія качества и будьте всегда дѣлателями не постыдными. Вы служили при мнѣ хорошо, а съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этомъ; а теперь, если можно, служите еще лучше, будьте еще внимательнѣе къ вашимъ паствамъ и всемѣрно старайтесь утвердить оныя въ святой нашей вѣрѣ, которой такъ не благопріятствуютъ обстоятельства здѣшняго края и духъ нынѣшняго времени. Не увывайте, а тѣмъ паче не ослабѣвайте въ исполненіи священныхъ вашихъ обязанностей отъ тѣхъ трудовъ и неприяностей, съ которыми сопряжено ваше служеніе, но укрѣпляйте себя надеждой на помощь Божию и дѣйствуйте на поприщѣ вашемъ мужественно, какъ подобаеть добрымъ воинамъ Христовымъ. Помните слова Пастыреначальника нашего: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѣ. 10, 22).

Я желалъ бы, возлюбленные, продолжить настоящую бесѣду мою, чтобы продлить удовольствіе послѣдняго свиданія съ вами; но мое слово изнемогаетъ отъ избытка чувствъ, волнующихъ нынѣ мое сердце, и время моего отшествія отъ васъ настало. Итакъ простите!... Помяните меня иногда въ вашихъ молитвахъ; а я никогда не забуду васъ и сохраню любовь мою къ вамъ не только до гроба, но и возьму ее и во гробъ, предстану съ нею къ Отцу Небесному и буду вѣчно молить Его о вашемъ спасеніи. И нынѣ взываю къ Нему изъ глубины сердца моего: „Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, его же насади десница Твоя!“ Храни его, Господи, подъ кровомъ Твоимъ въ мирѣ и благоденствіи, озаряй и согрѣвай его лучами благодати Твоей; сотвори его плодоноснымъ на всякое дѣло благое; огради его Твоимъ промысломъ отъ всѣхъ золъ и напастей!

Прощайте, возлюбленные! Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!

О дѣйствіяхъ комитета, Высочайше утвержденного для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній.

(Продолженіе.)

Всѣ подобныя соображенія комитетъ принялъ во вниманіе и уваженіе тѣмъ болѣе, что и при существованіи одностороннихъ курсовъ могутъ быть въ преподаваніи наукъ также систематичность и основательность, какъ и при курсахъ двухъ-годовыхъ;

При составленіи программы наукъ, назначаемыхъ къ преподаванію въ семинаріи, комитетъ поставилъ задачу—внести въ нее всѣ предметы существенно относящіеся какъ къ общему, такъ и специально-богословскому образованію, но при этомъ не усложнять программы ни внесеніемъ наукъ хотя и полезныхъ въ какомъ либо отношеніи, но не необходимыхъ для общаго и специальнаго образованія, ни излишнѣмъ раздробленіемъ наукъ, при которомъ отдѣлы или части одной и той же науки получаютъ самостоятельное значеніе и преподаются въ видѣ отдѣльныхъ наукъ, большею частью съ напрасною потерей времени и съ ослабленіемъ строгой системы въ преподаваніи. Въ семинаріяхъ предположено преподавать слѣдующіе предметы общаго образованія: 1) гражданскую исторію—всеобщую и русскую (8 уроковъ въ недѣлю), 2) математику: алгебру, геометрію, плоскую тригонометрію и основанія пascalіи (11 уроковъ), 3) физику и начала космографіи (4 урока), 4) изъ философіи: логику, психологію, обзоръ философскихъ ученій и педагогикъ (10 уроковъ), 5) древніе языки—латинскій (15 уроковъ) и греческій (24 урока), и 6) новыя языки: французскій и нѣмецкій (по 6 уроковъ). Изъ новыхъ языковъ одни воспитанники обязательно должны изучать французскій, а другіе нѣмецкій языкъ, по выбору самихъ воспитанниковъ. Въ составъ специально-богословскаго курса въ семинаріяхъ входятъ слѣдующіе предметы: 1) изъясненіе св. писанія ветхаго и новаго завѣта (16 уроковъ въ недѣлю), 2) церковная исторія и исторія русской церкви (8 уроковъ), 3) основное богословіе (3 урока), 4) догматическое богословіе (6 уроковъ), 5) нравственное богословіе (2 урока), 6) литургика (3 урока), 7) гомилетика (6 уроковъ), 8) практическое руководство для пастырей, въ составъ котораго должны войти пастырское богословіе и каноническое право (4 урока), и 9) церковное пѣніе, преподаваемое внѣ класснаго времени. Сверхъ изчисленныхъ предметовъ въ семинаріяхъ назначено преподавать для желающихъ (внѣ класснаго времени) еврейскій языкъ и иконописаніе.

Проектированная комитетомъ программа по объему того образованія, какое имѣютъ получать воспитанники при ея осуществленіи, значительно полнѣе какъ той, какая доселѣ существовала въ семинаріяхъ, такъ и той, какую проектировалъ комитетъ 1860—1862 годовъ; между тѣмъ по числу входящихъ въ составъ ея наукъ она короче той и другой программы. Для выполненія ея требуется тоже продолженіе времени, какое употребляется нынѣ на совершеніе полнаго курса ученія въ семинаріи (6 лѣтъ), и значительно менѣе, чѣмъ сколько

назначалъ для собственно семинарскаго курса комитетъ 1860—1862 годовъ (8 лѣтъ).

По новой проектированной программѣ, нѣкоторымъ предметамъ, по вниманію къ особой ихъ важности, предположено дать большее развитіе въ преподаваніи—и противъ того, какое они имѣли доселѣ въ семинаріяхъ и противъ того, какое предполагалъ имъ дать комитетъ 1860—1862 годовъ. Это преимущественно нужно сказать относительно древнихъ классическихъ языковъ—греческаго и латинскаго. Изученіе этихъ языковъ и литературъ ихъ предположено сдѣлать основой семинарскаго образованія. Такая основа необходима для достиженія вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ и цѣлей какъ общаго, такъ и спеціальнаго образованія въ семинаріяхъ. Всестороннее и полное развитіе умственныхъ силъ учащагося, пріученіе его къ самодѣятельности и умственному труду, по опыту всѣхъ образованныхъ странъ Европы, всего прямѣе и скорѣе достигаются, когда въ основу образованія полагается изученіе классическихъ языковъ. Не менѣе необходимо ихъ основательное изученіе для достиженія цѣлей спеціальнаго образованія. Безъ знанія греческаго языка, духовному воспитаннику былъ бы недоступенъ переводъ LXX толковниковъ ветхозавѣтныхъ книгъ св. писанія и оригиналь св. книгъ новозавѣтныхъ; ему была бы недоступна и вся обширная литература греческихъ отцовъ и учителей церкви, а также были бы неясны и непонятны почти всѣ предметы церковной практики, носящіе на себѣ греческія наименованія. Въ области духовнаго образованія очень велика важность изученія и латинскаго языка. Изученіе писаній отцовъ и учителей запада до его отпаденія отъ единенія со вселенскою церковью, знакомство съ обширною литературою сочиненій, заключающихъ въ себѣ основанія латинства и отчасти лютеранства, все это возможно лишь подъ условіемъ знанія латинскаго языка. По числу уроковъ данъ перевѣсъ греческому языку (24 урока въ недѣлю) предъ латинскимъ (15 уроковъ), съ одной стороны потому, что въ училищахъ усилено преподаваніе латинскаго языка, предъ греческимъ, вслѣдствіе чего воспитанники должны поступать въ семинарію съ большимъ знаніемъ латинскаго языка а съ другой—потому, что греческій языкъ и греческая литература представляютъ болѣе предметовъ, изученіе которыхъ необходимо для духовныхъ воспитанниковъ. При значительномъ числѣ уроковъ, назначенныхъ для классическихъ языковъ, занятія ими въ семинаріяхъ должны состоять въ изученіи ихъ филологіи и стилистики и въ ознакомленіи по оригиналамъ съ

защѣтательнѣйшими произведеніями литературъ греческой и латинской, какъ языческаго, такъ и христіанскаго періодовъ. Проходя чрезъ все классы семинаріи, въ которыхъ преподаются предметы общаго образованія, и имѣя въ каждомъ по значительному числу уроковъ, классическіе языки, по мысли комитета, должны объединять собою все общее образованіе и служить его главнымъ средоточіемъ.

Другой предметъ, на который комитетъ обратилъ вниманіе—математика. Нужно сознаться, что изученіе ея доселѣ было довольно слабо въ семинаріяхъ, почему комитетъ 1860—62 годовъ пришелъ къ мысли отнести ее къ числу предметовъ необязательныхъ для всехъ воспитанниковъ. Между тѣмъ важное значеніе математики для развитія умственныхъ силъ неоспоримо. Посему съ цѣлю возвысить въ семинаріяхъ изученіе математики и расширенъ объемъ ея чрезъ назначеніе къ преподаванію плоской тригонометріи.

Извѣстна связь философскаго образованія съ богословскимъ и необходимость перваго для послѣдняго. Подобно древнимъ классическимъ языкамъ и математикѣ, философія, основанная на здравыхъ началахъ, углубляетъ умъ, развиваетъ въ немъ основательность и послѣдовательность—качества, необходимыя для истиннаго богослова; изученіе философіи со стороны ея содержанія имѣетъ то отношеніе къ богословному образованію, что, знакомя съ дѣятельностью и направленіями человѣческой мысли, указываетъ тѣ предѣлы, коихъ можетъ достигнуть она въ постиженіи истины, а также тѣ препятствія и опасности, какія встрѣчаетъ она въ своей дѣятельности безъ руководства откровенія. Поэтому комитетъ призналъ нужнымъ расширить философское образованіе. Кромѣ логики и психологіи, преподававшихся и доселѣ въ семинаріяхъ, включены въ программу еще двѣ науки съ философскимъ характеромъ: 1) обзоръ философскихъ ученій и 3) педагогика. Какъ самое названіе показываетъ, подъ „обзоромъ философскихъ ученій“ нужно разумѣть не исторію философіи—науку, ни въ какомъ случаѣ не могущую относиться къ кругу наукъ средняго учебнаго заведенія—но изложеніе только тѣхъ ученій, которыя служатъ выраженіемъ извѣстнаго направленія философствующаго ума, на примѣръ: идеализма, матеріализма, пантеизма и проч. Что касается до педагогики, то необходимость преподаванія ея въ семинаріяхъ условливается обязанностью, лежащею на духовенствѣ, распространять образованіе въ народѣ чрезъ обученіе.

Изъ предметовъ спеціально-богословскаго образованія усилено изученіе св. писанія, на которое назначено 16 уроковъ

въ недѣлю. Преподаваніе весьма важной науки о св. писаніи, по мысли комитета, не должно ограничиваться, какъ было доселѣ, лишь сообщеніемъ библіографическихъ свѣдѣній о св. книгахъ, краткимъ обзорѣ ихъ содержанія и толкованіемъ болѣе замѣчательныхъ или особенно затруднительныхъ для уразумѣнія мѣстъ, но должно сопровождаться послѣдовательнымъ чтеніемъ св. книгъ, такъ чтобы воспитанники вполнѣ ознакомились съ текстомъ библіи и вошли въ самый духъ ея.

Если въ проектированной комитетомъ семинарской программѣ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ усилено и расширено, то нѣкоторые другіе предметы, которые преподавались доселѣ въ семинаріяхъ или преподаваніе которыхъ предполагалъ ввести комитетъ 1860—62 гг., исключены изъ семинарской программы, а нѣкоторые предметы, преподававшіеся отдѣльно, какъ самостоятельные науки, соединены вмѣстѣ вслѣдствіе внутренней связи между ними и для большаго удобства преподаванія. Такъ:

а) *Православное исповѣданіе католической вѣры* (по книжкѣ митрополита Петра Могилы), читавшееся доселѣ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, исключено изъ семинарской программы, такъ какъ воспитанники должны поступать въ семинарію уже съ удовлетворительнымъ знаніемъ пространнаго православнаго катихизиса.

б) *Обозрѣніе богослужебныхъ книгъ*, преподававшееся доселѣ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, также исключено изъ вновь проектированной семинарской программы. Съ *содержаніемъ* богослужебныхъ книгъ воспитанники должны познакомиться отчасти при изученіи *церковнаго устава* (въ училищѣ), а отчасти при практическомъ изученіи православныхъ богослуженій, которое должно продолжаться и во время училищнаго и еще болѣе во время семинарскаго курса ученія. Что же касается до всѣхъ собственно *библіографическихъ свѣдѣній* относительно богослужебныхъ книгъ, то воспитанники могутъ получать ихъ при изученіи *литургики*.

в) Въ нашихъ семинаріяхъ доселѣ существовала особая наука, подъ именемъ *„священной герменевтики“*, получавшая иногда названіе *толковательнаго богословія*. Сущность этой науки заключается въ примѣненіи общихъ логическихъ приѣмовъ къ изясненію св. писанія. Такъ какъ всѣ эти приѣмы весьма легко и удобно могутъ быть усвоены воспитанниками при изученіи св. писанія и такъ какъ логика преподается въ семинаріи, то комитетъ признаетъ излишней *герменевтику* какъ особую науку.

г) Исторія ветхозавѣтной церкви и избраннаго народа удобнѣе и полнѣе можетъ быть изучена по источникамъ ея—священнымъ книгамъ ветхаго завѣта. Равнымъ образомъ исторія земной жизни Спасителя и первоначальныхъ судебъ новозавѣтной церкви (въ вѣкъ апостольскій) легко и удобно можетъ быть изучена при изученіи новозавѣтныхъ писаній. Такое соединеніе изученія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи съ изученіемъ священныхъ книгъ должно вести къ болѣе основному и полному изученію этихъ послѣднихъ. Оно дѣлается особенно удобнымъ, когда изученіе св. писанія, какъ назначаетъ комитетъ, будетъ сопровождаемо послѣдовательнымъ чтеніемъ текста священныхъ книгъ. По этимъ основаніямъ исключена изъ семинарской программы *библейская исторія*, какъ особая наука, и изученіе ея соединено съ изученіемъ священнаго писанія.

д) Съ 1866 года введено было въ семинаріяхъ преподаваніе *патристики*—науки о писаніяхъ св. отцовъ и учителей церкви. Комитетъ 1860—62 г. также внесъ эту науку въ проектированную имъ семинарскую программу. Никакъ нельзя отрицать научнаго значенія патристики и важности ея въ кругу богословскихъ наукъ, но, съ другой стороны, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что патристика есть наука, которая съ истинно научнымъ характеромъ можетъ быть преподаваема только въ высшемъ учебномъ заведеніи, а отнюдь не въ семинаріи. Двадцати-лѣтній опытъ преподаванія патристики въ нашихъ семинаріяхъ ясно показалъ, *чѣмъ* можетъ быть патристика, преподаваемая въ семинаріи. Обыкновенно она составлялась изъ краткаго жизнеописанія отца или учителя церкви, оставившаго послѣ себя писанія, изъ перечня его писаній и наконецъ извлеченія изъ нихъ болѣе значительныхъ мѣстъ въ догматическомъ, нравственномъ или церковно-обрядовомъ отношеніи. Очевидно, въ такомъ видѣ патристика не есть наука, и все это содержаніе ея съ большимъ удобствомъ можетъ быть сообщено воспитанникамъ при преподаваніи церковной исторіи. Поэтому она исключена изъ семинарской программы. Исключая патристику, какъ особую науку, изъ семинарской программы, комитетъ имѣлъ въ виду также и то, что при усиленномъ изученіи древнихъ языковъ—латинскаго и греческаго—въ нашихъ семинаріяхъ и при назначеніи достаточнаго числа уроковъ на эти языки, воспитанники семинаріи будутъ въ состояніи, подъ руководствомъ преподавателей древнихъ языковъ, знакомиться въ оригиналахъ съ замѣчательнѣйшими свято-отеческими писаніями, какъ греческими, такъ и латинскими.

е) Что сказано было о патристикѣ, какъ о наукѣ, относящейся къ кругу высшаго духовнаго образованія, съ не меньшею основательностью можетъ быть отнесено и къ другой наукѣ, преподаваемой нынѣ въ семинаріяхъ, къ такъ называемому „*обличительному богословію*“. Оно содержитъ исторію происхожденія и постепеннаго развитія различныхъ вѣроисповѣданій, сектъ, расколовъ и проч., изложеніе ихъ ученія догматическаго, нравственнаго и обрядоваго и наконецъ критическій обзоръ этого ученія съ православной точки зрѣнія. Такимъ образомъ содержаніе обличительнаго богословія, при множествѣ существующихъ вѣроисповѣданій, сектъ, расколовъ и проч., а равно при измѣчивости, бывающей въ средѣ каждаго такого исповѣданія вслѣдствіе непрочности лежащихъ въ основѣ его началъ, чрезвычайно сложно и разнообразно. Съ другой стороны, научная задача обличительнаго богословія—ознакомить съ духомъ и характеромъ каждаго исповѣданія—тогда только можетъ быть достигнута, когда сами изучающіе уже имѣютъ достаточное богословское образованіе. Все это приводитъ къ убѣжденію, что „обличительное богословіе“ съ настоящимъ научнымъ характеромъ можетъ быть преподаваемо только въ высшемъ учебномъ заведеніи. Что же касается до семинаріи, то здѣсь возможно только простое ознакомленіе воспитанниковъ съ исторіею и ученіями разныхъ сектъ, расколовъ и проч., безъ притязанія на научную цѣлостность и полноту. Но такое ознакомленіе воспитанники могутъ удобно пріобрѣсти при изученіи церковной исторіи и догматики. Поэтому комитетъ исключилъ изъ семинарской программы *обличительное богословіе*, какъ особую науку, съ тѣмъ чтобы воспитанники съ исторіею происхожденія разныхъ вѣроисповѣданій и перемѣнъ, бывшихъ въ средѣ ихъ, ознакомились при изученіи церковной исторіи, а съ ученіями ихъ—при изученіи догматики. Можно съ увѣренностью сказать, что исторія каждаго вѣроисповѣданія, представленная въ связи съ судьбами церкви, и ученіе каждаго вѣроисповѣданія, изложенное рядомъ съ православнымъ вѣроученіемъ, какъ несогласное съ нимъ и опровергаемое имъ, будутъ болѣе понятны для воспитанниковъ и легче усвояемы ими, чѣмъ когда бы онѣ излагались отдѣльно и отрывочно. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи существуютъ различныя вѣроисповѣданія, секты и расколы, съ которыми пастырю церкви приходится преимущественно встрѣчаться въ своей практической дѣятельности. Поэтому въ различныхъ семинаріяхъ, при преподаваніи церковной исторіи и догматики, должно быть обращено *преимущественное* вниманіе на раз-

личныя вѣроисповѣданія, секты и расколы, и именно на тѣ, ознакомленіе съ которыми особенно нужно для воспитанниковъ по мѣстнымъ условіямъ епархіи.

ж) „Пастырское богословіе“ и „каноническое право“ соединены вмѣстѣ подъ общимъ наименованіемъ „*практическое руководство для пастырей*“. Уже самое это соединеніе показываетъ, что каноническое право и пастырское богословіе предполагается читать въ семнарияхъ не въ полномъ ихъ объемѣ, а только въ тѣхъ частяхъ или отдѣлахъ, которые имѣютъ ближайшее и притомъ практическое примѣненіе къ служенію священника. „Практическое руководство для пастырей“ подраздѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой будутъ излагаться нравственныя достоинства и обязанности, соединенныя съ званіемъ священнослужительскимъ, а во второй церковно-юридическія права и обязанности этого званія. При такомъ содержаніи, практическое руководство для пастырей можетъ быть наукою и полною и стройною.

(Продолженіе впрѣдь.)

КАЛУГА. Въ Губернской Типографіи. Печатано съ разрѣшенія цензуры.